

София де Сегюр
Примерные девочки
Серия «Маленькие женщины»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11633482
Примерные девочки: ЭНАС; М.; 2013
ISBN 978-5-91921-031-3

Аннотация

Шестилетняя Соня после смерти отца остается со злой и жестокой мачехой. Лишенная любви и заботы девочка не знает о том, что на свете существуют сочувствие и милосердие. К счастью, в соседнем замке живут со своей матерью ее подруги – добрые и милые Камила и Мадлен. Под их влиянием характер Сони постепенно меняется...

Автор историй о Соне – французская писательница XIX века Софи де Сегюр (урожденная Ростопчина), чьи книги для детей до сих пор очень популярны в Европе.

Содержание

Предисловие от издательства	5
Глава I	6
Глава II	7
Глава III	10
Глава IV	11
Глава V	13
Глава VI	18
Глава VII	20
Глава VIII	24
Глава IX	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Софи де Сегюр

Примерные девочки

© Г. Хондкариан. Литобработка, 2011

© А. Власова. Иллюстрации, 2011

© ЗАО «ЭНАС-КНИГА», 2011

Предисловие от издательства

Творчество французской писательницы Софи де Сегюр (1799–1874) ныне причислено на ее родине к памятникам национальной культуры. Она до сих пор остается одной из величайших детских писательниц Франции.

Свой первый контракт де Сегюр заключила с издательством Луи Ашетт в сентябре 1855 года, когда ей было 56 лет.

Успех превзошел все ожидания – книги распродавались сотнями миллионов экземпляров. Графиня де Сегюр, урожденная Ростопчина, как она неизменно подписывала все свои произведения, стала известной, а ее «Новые сказки феи», проиллюстрированные молодым и талантливым художником Гюставом Дорэ, определили дальнейшую судьбу писательницы.

Софи де Сегюр французы с уважением называют «бабушкой “Розовой библиотеки”», в которую вошли более 20 романов для детей, подростков и взрослых: «Сонины проказы», «Каникулы», «Маленький горбун», «Воспоминания ослика», «Злой гений», «Судьба Гаспара» и другие.

Писательница положила начало жанру детской литературы. Простота и строгость стиля придают особую красоту ее творческому почерку. В своих произведениях ей удалось передать милую детскую непосредственность, утраченную взрослыми.

Большинство произведений де Сегюр, посвященных детям, экранизированы во Франции и других странах.

«Примерные девочки» – одна из малоизвестных повестей для российского читателя.

В предместьях Парижа живут четыре подруги – Соня, Камила, Мадлен и Маргарита. Их разные характеры и взгляды на жизнь нередко приводят к размолвкам и недоразумениям. Но жизненные перипетии лишь укрепляют нежную привязанность девочек друг к другу, а разумное воспитание и забота матерей делают их лучше и добрее.

Глава I

Камила и Мадлен

У госпожи Флервиль были две дочки, добрые, милые, любезные и нежно любившие друг друга. Часто сестры и братья ссорятся, спорят и бегут жаловаться друг на друга родителям, когда перессорятся до того, что невозможно решить, кто первый виноват. Камила и Мадлен никогда не ссорились. То та, то другая уступала желанию сестры.

А между тем характеры у них были неодинаковые. Камиле было восемь лет, и она была на год старше сестры. Она была живее, ветренее, предпочитала резвые игры тихим, любила бегать и шуметь. Особенно весело ей было, когда собиралось много детей и она могла затевать свои любимые игры сколько душе будет угодно.

Мадлен, напротив, больше любила кукол, чем шумные игры. Она занималась не только своими куклами, но и сестриными, последним без нее часто приходилось бы спать в кресле и переменять белье и платье через три или четыре дня.

Но это различие во вкусах не мешало девочкам жить в согласии. Мадлен тотчас оставляла куклу или книгу, когда сестре хотелось побегать или погулять. Со своей стороны, Камила жертвовала своей любовью гулять и ловить бабочек, едва Мадлен изъявляла желание играть в куклы.

Обе сестрицы были очень счастливы, и мама нежно любила их обеих. Все, кто знал девочек, также любили их и старались доставить им удовольствие.

Глава II

Прогулка и случай

Мадлен причесывала свою куклу, Камила подавала ей гребенки, убирала платья, башмаки, перемещала куклину постель, переносила шкафы, комоды, кресла. По ее словам, она перевозила их на новую квартиру, барыни (то есть куклы) переезжали в новый дом.

– Уверяю тебя, Камила, куклам было удобнее в старом доме, там просторнее и было где расставить мебель! – заметила Мадлен.

– Это правда, но старый дом им порядком надоел. Кроме того, им было жарко в маленькой комнате, – отозвалась Камила.

– Ну, это не совсем так. Сидели они всегда у самой двери, их продувало, а постели так просто стояли прямо против окна, там тоже не жарко.

– Ну, хорошо! – кивнула Камила. – Поживут они немного в этом новом доме, мы тогда перевезем их опять, отыщем квартиру поудобнее. Ведь тебе они не мешают?

– Ничуть! Тем более, если тебе так хочется.

Камила перевезла кукол, а Мадлен тем временем причесала и одела их. Потом старшая из девочек предложила позвать няню и отправиться погулять. Мадлен с удовольствием поддерживала сестру. Позвали Лизу.

– Нянюшка, – сказала Камила, – пойдете гулять с нами?

– Отчего же нет? Куда же мы пойдем? – улыбнулась Лиза.

– На большую дорогу, смотреть на проезжающих, – предложила Камила. – Хочешь, Мадлен?

– Хорошо, – согласилась та, – а если встретим бедных женщин или детей, подадим им. Я возьму пять су¹.

– Хорошая идея, Мадлен, – обрадовалась Камила. – Я возьму десять су.

Довольные девочки побежали впереди нянюшки и дошли до решетки, отделявшей дорогу в замок от большой дороги. Проезжающих не было, и дети стали рвать цветы, чтобы наделать веночков для кукол.

– Карета едет! – закричала Мадлен.

– Да, и как быстро! Пойдем поближе, посмотрим.

– Послушай, Камила, слышишь, кто-то кричит?

– Нет, только карета гремит, больше ничего не слышу.

Мадлен не ошиблась: как только Камила замолчала, слышались резкие крики, и через мгновение девочки и няня остолбенели от ужаса. Мимо них тройка почтовых лошадей несла во всю прыть карету, почтальон никак не мог сдержать лошадей.

В карете сидели дама и четырехлетняя девочка, они ужасно кричали.

Шагах в ста от решетки почтальон упал с козел, и карета переехала через него. Лошадей никто не остановил, и они понесли с новой силой, бросились в сторону, прямо в глубокую канаву между дорогой и полем. Как раз напротив решетки, где стояли бледные от испуга девочки и няня, карета перевернулась в канаву. Лошади упали, кто-то страшно вскрикнул, застонал от боли, и все затихло.

Первой от испуга опомнилась няня и поняла, что надо помочь даме и ребенку. Криков не было слышно. Не убились ли они до смерти? Надо помочь и бедному раздавленному каретой почтальону.

¹ С у – французская разменная монета.

Лиза решилась, наконец, подойти к опрокинувшейся карете. Камила и Мадлен пошли за ней.

Одна из лошадей была мертва, другая сломала заднюю ногу и дрыгала ею, стараясь подняться, третья, оглушенная падением, тяжело дышала и не двигалась.

– Я попробую отворить дверцы, – сказала няня, – только вы, детки, не подходите. Не дай Бог, лошади дернут и покалечат вас.

Лиза отворила дверцы: дама и ребенок лежали без чувств, все в крови.

– Боже мой! Они обе убились или тяжело ранены.

Камила и Мадлен заплакали. Лиза, надеясь, что, может быть, мать и дочка только в обмороке, попробовала взять девочку из рук матери, которая крепко прижала ее к груди. После некоторых усилий ей это удалось. Ребенок был бледен и в крови. Лиза не хотела класть малышку на сырую землю и спросила сестер, хватит ли у них силы и смелости перенести девочку на скамейку по ту сторону решетки.

– Да, да, нянюшка, – живо откликнулась Камила, – давайте, мы отнесем, мы поднимем ее. Бедняжка, она вся в крови! Но она не умерла, она жива. Наверняка жива. Давайте, нянюшка! Мадлен, помоги-ка мне.

– Не могу, – вздрогнула Мадлен, – тут кровь... И мама ее умерла, и бедная девочка, кажется, тоже... И у меня совсем нет сил теперь. Я могу только... плакать.

– Ну, я понесу одна, – решила Камила. – У меня хватит силы, а Господь мне поможет.

И с этими словами она взяла малышку на руки – казалось, ей не по силам такая ноша – и стала подниматься из канавки, но поскользнулась и чуть не выронила дитя. Мадлен, поборов страх и отвращение, подбежала и помогла сестре. Девочки выбрались из канавы, пересекли дорогу и с трудом донесли малышку до скамейки.

Камила села на скамейку и положила кроху к себе на колени. Мадлен принесла воды, зачерпнув в канавке. Камила смыла платком кровь с лица ребенка и радостно вскрикнула, заметив, что девочка не ранена.

– Мадлен, няня, идите сюда, девочка не ранена... Она жива. Жива!.. Она вздохнула... Дышит, открыла глазки.

Мадлен подбежала, малышка действительно пришла в себя и испуганно оглядывалась вокруг.

– А маменька? – проговорила она. – Мама! Я хочу к маменьке.

– Мама сейчас придет, крошка, – поцеловала ее Камила. – Не плачь, побудь пока со мной и с моей сестрицей.

– Нет-нет, я к маме хочу! Злые лошадки унесли ее.

– Нет, душечка, злые лошадки сами свалились в канаву, они не унесли маменьку, право, не унесли. Погляди, видишь? Вот наша няня Лиза несет твою маму, мама спит.

Няня при помощи двух прохожих вытащила из кареты мать девочки. У женщины не было никаких признаков жизни, на голове виднелась широкая рана, лицо, шея, руки были в крови. Но сердце билось, она была еще жива.

Няня послала одного из помогавших ей прохожих к госпоже де Флервиль – просить, чтобы та поскорее прислала людей. Нужно было перенести в замок даму и ребенка, поднять почтальона, который все еще лежал на дороге, и распрячь лошадей, которые бились на земле и лягали карету.

Прохожий пошел. Через четверть часа госпожа де Флервиль приехала сама в коляске, следом за ней явилось много слуг. Пострадавшую даму уложили в коляску. Малышка между тем совершенно оправилась, ран на ней не было, обморок был только следствием испуга и сотрясения при падении.

Мадлен и Камила боялись, что девочка испугается, увидев, как течет кровь из головы ее мамы, и просили у своей маменьки позволения идти с ней до замка пешком. Девочка уже привыкла к сестрам и, думая, что ее мама спит, согласилась пройти пешком.

По дороге Камила и Мадлен разговаривали с малышкой.

– Как тебя зовут, крошка? – поинтересовалась Мадлен.

– Маргарита, – отозвалась девочка.

– А как зовут твою маменьку? – вступила в разговор Камила.

– Маменьку зовут мамой, – последовал ответ.

– Но как ее фамилия? Имя какое у нее? – настаивала Камила.

– Так ее и зовут мамой.

– Как, и слуги ее мамой зовут? – засмеялась Мадлен.

– Нет, слуги зовут ее сударыней, – серьезно ответила малышка.

– Хорошо, сударыней. Они называют ее госпожой, а дальше как? – продолжала допытываться Мадлен.

– Дальше никак. Просто сударыней.

– Не приставай к ней, Мадлен, – вмешалась Камила. – Видишь, она еще маленькая, не знает. Скажи нам, Маргарита, куда это вы ехали?

– К тете, – отозвалась Маргарита. – Я не люблю тетю, она злая, все сердится. Мне лучше с мамой и... с вами, – прибавила она, целуя девочкам руки.

Камила и Мадлен в свою очередь поцеловали малышку.

– А как вас зовут? – спросила Маргарита.

– Меня Камилой, а сестру – Мадлен.

– Отлично. Вы будете моими маленькими мамами. Мама Камила и мама Мадлен.

Болтая таким образом, дошли они до замка. Госпожа де Флервиль тотчас же послала за доктором и приказала уложить госпожу де Розбур в постель. Имя раненой женщины прочли на маленьком ларчике в коляске и на чемоданах, привязанных сзади. Рану перевязали, чтобы остановить кровь, и госпожа де Розбур стала понемногу приходить в себя. Через полчаса она попросила позвать дочку, девочку привели.

Маргарита вошла потихоньку, потому что ей сказали, что мама больна. С нею вошли Камила и Мадлен.

– Бедная маменька, – сказала крошка, входя, – у вас голова болит?

– Да, дружок, очень болит.

– Я останусь тут, мама, с вами.

– Нет, милая, только поцелуй меня и ступай с этими милыми девочками, я по лицам вижу, что они добрые.

– Ах, маменька, очень добрые! Камила мне дала куклу – такую хорошенькую! А Мадлен принесла кусок хлеба с вареньем.

Госпожа де Розбур улыбнулась, видя, как весело дочке. Маргарита продолжала болтать. Госпожа де Флервиль, находя, что больной это вредно, посоветовала Маргарите идти гулять с маленькими мамами и дать большой маме поспать.

Глава III

Маргарита

– Поиграй нашими куклами, Маргарита, – предложила Мадлен. – Бери, какую хочешь.

– Какие миленькие! – восхитилась малышка. – Эта большая, с меня ростом!.. А вот еще две, тоже хорошенькие!.. А эта на кровати лежит... Она больна, как бедняжка маменька... Собачка какая замечательная! Малюсенькая, шерстка гладенькая! Точно живая... И ослик!.. И тарелочки, чашечки, ложечки, вилки! И ножечки есть!.. И судочек, и солонка! Ах, какой дилижанс миленький!.. Ав комод... сколько кукольных платьев, чепчиков, чулок, рубашек!.. Как все хорошо уложено!.. И книжечки! Картинки маленькие какие! Целый шкаф!

Камила и Мадлен смеялись, видя, как Маргарита бегаёт от одной игрушки к другой, не зная, какую взять, ведь все сразу взять нельзя. То положит, то опять возьмет, то опять отложит... Стоит посредине комнаты, и не может решить, куда идти, вертится то направо, то налево, прыгает, от радости хлопает в ладоши. Наконец она взяла дилижанс, запряженный четверкой лошадей, и спросила Камилу и Мадлен, можно ли пойти с ними в сад.

Из дома выбежали все вместе и принялись возить дилижанс по дорожкам и по траве, как вдруг он перевернулся. Все пассажиры попадали друг на друга, стекло в дверце разбилось вдребезги.

– Боже мой! Боже мой! – заплакала Маргарита. – Я сломала вашу карету, Камила. Ах, как мне досадно!

– Не плачь, Маргариточка, ничего страшного, – принялась утешать девочку Камила. – Мы отворим дверцы, рассадим пассажиров по местам и попросим кого-нибудь вставить новое стекло.

– А у пассажиров голова не будет болеть, как у маменьки? – забеспокоилась малышка.

– Нет, душечка, они все крепкоголовые, – улыбнулась Мадлен. – Гляди, они все уже расселись по местам и выглядят вполне здоровыми.

– Слава Богу! Я так испугалась...

Маргарита стала опять возить дилижанс, только гораздо осторожнее. У девочки было доброе сердце, она не хотела снова расстроить своих друзей.

Через час позвонили к обеду, а после трапезы Маргариту тотчас уложили спать, она очень устала.

Глава IV

Гости остаются навсегда

Пока дети играли, приехал доктор. Он нашел, что рана не опасна, и полагал, что крови вытекло достаточно, а потому открывать ее не надо, воспаления и так не будет. Он наложил на рану мазь, приказал менять повязку каждый час, сообщил, что больной нужен покой, и обещал приехать завтра.

Маргарита навещала маму несколько раз в день, но недолго оставалась в комнате: живость и болтливость девочки хоть и были приятны матери, но беспокоили ее. Госпожа де Флервиль, почти не отходявшая от больной, кивала дочкам, и те уводили малышку.

Внимательность и заботы госпожи де Флервиль трогали за сердце ее больную гостью. Выздоровливая, она часто говорила, как ей будет жаль расставаться с женщиной, которая выказала к ней столько заботы и участия.

– А зачем нам расставаться, милый друг? – сказала однажды госпожа де Флервиль. – Отчего нам не жить вместе? Ваша Маргарита совершенно счастлива с Камилой и Мадлен, и им, будьте уверены, так же будет грустно расстаться с нею. Я буду в восторге, если вы меня не оставите.

– Но что скажут ваши родные? – засомневалась госпожа де Розбур.

– О, на этот счет не беспокойтесь. После смерти мужа я живу очень уединенно. Я рассказывала вам, что он был убит в сражении с арабами шесть лет назад. С тех пор я живу в деревне. У вас тоже нет мужа, или, вернее, нет известий о нем после крушения корабля, на котором он уплыл.

– К несчастью, да. Он, наверное, погиб вместе с кораблем. Вот уже два года, как о нем ни слуху ни духу. У меня брат моряк, он объехал за это время вокруг света и не смог найти даже следа ни моего мужа, ни тех, кто с ним отправился. Но раз вы так дружески настаиваете, станем жить одним хозяйством, а Маргарита останется на попечении своих маленьких мам.

– Итак, милый друг, это дело решенное? – спросила госпожа де Флервиль.

– Да-да, станем жить вместе, – кивнула госпожа де Розбур.

– Как я рада, что вы согласились! И так скоро! Надо сказать об этом дочерям, они так рады будут.

Госпожа де Флервиль вошла в комнату, где Камила и Мадлен прилежно занимались уроками, а Маргарита потихоньку играла в куклы и рассказывала им шепотом разные истории, чтобы не мешать старшим заниматься.

– Дети! Я пришла к вам с новостью, с очень веселой: госпожа де Розбур и Маргарита не уедут от нас, чего мы так боялись, – объявила госпожа де Флервиль.

– Как, маменька, они навсегда останутся с нами? – воскликнула Камила.

– Да, милая госпожа де Розбур дала мне слово.

– Какое счастье! – в голос закричали все три девочки.

Маргарита бросилась целовать госпожу де Флервиль, которая, приласкав малютку, сказала дочерям:

– Если хотите, чтобы я была всегда счастлива, как теперь, будьте прилежны, слушайте меня и никогда не ссорьтесь. Маргарита младше вас. Вы должны заняться ее воспитанием под моим и ее мамы руководством. Чтобы она была доброй и умницей, надо ей давать хорошие советы, а главное, хорошие примеры.

– Ах, мама, милая, будьте покойны! – уверила ее Камила. – Мы станем заботиться о Маргарите, как вы о нас. Я буду учить ее чтению и письму, а Мадлен – работе, чтобы у нашей дорогой малышки все было на месте и в порядке. Правда, Мадлен?

– Конечно, она такая милая, ласковая, послушная, нам нетрудно будет с ней, – поддержала ее сестра.

– Я буду всегда умницей, – пообещала Маргарита, целуя то Камилу, то Мадлен. – Я буду вас слушаться и стараться, чтобы вы всегда были довольны мною.

– Отлично! – кивнула Камила. – Ну, Маргариточка, если хочешь быть умницей, докажи же мне дружбу: иди гулять. Я тебе это уже говорила. С тех пор как мы засели за уроки, ты все время сидишь в комнате. Если так будет продолжаться, ты станешь бледной и заболеешь.

– Ах, Камила, пожалуйста, позволь мне остаться с тобой! – возразила малышка. – Я так люблю тебя!

Камила чуть было не согласилась, но Мадлен вовремя догадалась, что если раз уступить Маргарите, придется всегда уступать и делать все, как ей захочется. Потому она взяла Маргариту за руку, отворила двери и сказала:

– Душенька, Маргарита, Камила уже дважды тебе говорила, чтобы ты шла гулять, а ты все просишь остаться еще на минуточку. Камила не хотела настаивать, но теперь мы хотим, чтобы ты пошла гулять. Будь же умницей, иди. Раз обещала, надо слушаться. А через час, моя хорошая, вернешься к нам.

Маргарита умоляющими глазами взглянула на Камилу, но та чувствовала, что сестра права, а потому стояла, опустив глаза, боясь уступить Маргарите. Малышка поняла, что придется послушаться, потихоньку вышла и пошла в сад.

Госпожа де Флервиль, за все это время не сказавшая ни слова, теперь подошла к Мадлен и поцеловала ее.

– Хорошо, Мадлен, – похвалила она дочь. – И ты, Камила, крепись, бери пример с сестры.

И с этими словами вышла из комнаты.

Глава V

Цветы

«Господи! Как мне одной скучно! – думала Маргарита, побродив с четверть часа. – Зачем только Мадлен велела мне идти гулять?.. Камила разрешила бы мне остаться, я видела... Когда мы с Камиллой вдвоем, она мне позволяет делать все что угодно... Как я люблю Камилочку!.. Я и Мадлен люблю, только с Камиллой мне веселее... Что бы мне такое придумать? Так скучно... Ах, придумала! Пойду прополю цветы у них в садике».

И девочка побежала в садик Камилы и Мадлен, выполола траву, убрала сухие листики и стала рассматривать цветы. «Не нарвать ли Камиле и Мадлен букет? – пришло ей в голову. – Как они будут довольны! Я все-все цветочки сорву. Какой чудный букет выйдет! Они войдут в свою комнату, а там так хорошо будет пахнуть!»

И Маргарита в восторге от своей выдумки, принялась рвать гвоздичку, левкой, маргаритки, розы, георгины, резеду, жасмин – словом, все, что было в садике. Она срывала цветы почти без стебельков и собирала их в передник.

Когда цветов больше не осталось, малышка с сияющим лицом вбежала в комнату к девочкам.

– Камила, Мадлен! Смотрите, что я вам принесла! Как чудесно!

Маргарита открыла передник и показала цветы – смятые, завядшие, с облетающими лепестками.

– Я это для вас нарвала, – гордо объявила она, – мы поставим их в вашу комнату – как славно пахнуть будет!

Камила и Мадлен переглянулись. Нельзя было не улыбнуться, глядя на грудку увядших цветов и веселое личико Маргариты. Они расхохотались, когда личико Маргариты покраснело, надулось и стало оскорбленным. Малышка уронила цветы на пол и изумленными глазами смотрела на Камилу и Мадлен, не понимая, что смешного нашли они в ее поступке.

Наконец Камила заговорила.

– Где это ты нарвала столько цветков?

– В вашем саду.

– В нашем садике! – воскликнули обе сестры, и им вдруг стало не до смеха. – Как? Ты оборвала все цветы у нас в садике?

– Да, все-все, даже распукалок² не осталось.

Камила и Мадлен с отчаянием и грустью посмотрели друг на друга. Маргарита невольно принесла им великое горе. Эти цветочки они берегли, чтобы преподнести маменьке на именины. То есть послезавтра. И вот ни одного цветка не осталось! Но ни у той, ни у другой сестры не хватило духа пожуричь Маргариту, ведь девочка хотела доставить им удовольствие.

Маргарита думала, что ее расцелуют и расхвалят за цветы. Но теперь она увидела, как сестры огорчены, и догадалась, что, видимо, сделала глупость. Девочка тут же расплакалась.

– Маргариточка, – сказала Мадлен, – сколько раз мы говорили тебе, чтобы ты ничего не трогала без позволения. Ты сорвала все цветы, и очень нас этим огорчила. Мы думали послезавтра подарить маменьке на именины букет из выращенных нами цветов. А теперь по твоей вине нам нечего ей преподнести.

Малышка разрыдалась еще громче.

² Р а с п у́ к а л к а – бутон, почка (устаревш.).

– Мы тебя не браним, – попыталась утешить ее Камила, – мы знаем, что ты сделала это без злого умысла. Но видишь сама, как нехорошо не слушаться.

Казалось, слезам Маргариты не будет конца.

– Не плачь, моя дорогая, – поцеловала ее Мадлен, – ты же видишь, мы вовсе на тебя не сердимся.

– Оттого, что... что вы... добрые, – рыдая, лепетала Маргарита, – ...но вам... вам грустно... И мне тоже... Камила, Мадлен... простите... Я больше не буду... Уверю вас.

Сестры были тронуты горькими слезами малышки, они стали целовать и обнимать ее. В это время вошла госпожа де Розбур; увидев покрасневшие глазки и распухшее личико Маргариты, она остановилась.

– Маргарита, что с тобой, милая? Уж не напроказничала ли ты?

– Нет, – ответила Мадлен, – мы утешаем ее.

– В чем же вы ее утешаете?

– Она... мы... – Мадлен покраснела и замолчала.

– Мы утешали ее, – подхватила Камила, – мы... она... мы...

И она тоже покраснела и замолчала. Госпожа де Розбур удивилась еще больше.

– Маргарита, о чем ты плакала? В чем тебя утешали подруги?

– Ах, я была злой девочкой, я нехотя огорчила их, – сказала Маргарита, бросаясь обнимать мать. – Я сорвала все цветочки в их садике, и теперь им нечего подарить маменьке на именины. И вместо того чтобы бранить меня, они меня утешали. Мне так стыдно!

– Хорошо, что ты призналась в своих проказах, девочка, я постараюсь исправить твою вину. Подруги даже не рассердились на тебя. Будь же такой доброй и снисходительной, как они, и ты станешь хорошей девочкой, все будут любить тебя, а Бог благословит.

Госпожа де Розбур поцеловала Камилу, Мадлен и Маргариту, вышла из комнаты, позволила слуге и приказала сейчас же заложить карету.

Через полчаса карета была готова. Госпожа де Розбур велела ехать в город, от усадьбы до города было всего четыре версты. В цветочной лавке она выбрала самые хорошие, самые красивые цветы.

– Пожалуйста, – сказала она торговцу, – доставьте сами все эти горшки с цветами к госпоже де Флервиль. Я покажу вам, где их нужно посадить, и вы присмотрите за работой. Сделать это нужно ночью, мне хочется приготовить девочкам сюрприз.

– Будьте покойны, сударыня, все исполним. Вечером все цветы, которые вы изволили выбрать, я погружу в тележку, а ночью все будет сделано, как вы сказали.

– Сколько я должна вам за цветы и за работу?

– Сорок франков³, сударыня. Вы изволили выбрать шестьдесят горшков, да еще работа. Как, по-вашему, сударыня, недорого?

– Нет, вполне справедливая цена. Вы получите сорок франков, когда закончите работу.

Госпожа де Розбур села в карету и быстро вернулась в замок Флервиль, так что никто не заметил ее отсутствия. Она приказала слуге подождать цветочника и сказать ему, чтобы тот посадил цветы в садике Камилы и Мадлен.

А все три девочки в это время пошли в садик.

– Может быть, – надеялась Камила, – осталось хоть несколько цветов, хоть на маленький букетик?

Увы! Ни одного не осталось. Камила и Мадлен с грустью посмотрели на опустевшие клумбы. Маргарита чуть опять не расплакалась.

– Что делать, – сказала Мадлен, – слезами горю не поможешь. Посадим новые, они расцветут попозже.

³ Ф р а н к – французская золотая или серебряная монета.

– Мадлен, возьмите все мои деньги, купите цветов! У меня есть четыре франка! – предложила Маргарита.

– Спасибо, милая, только лучше побереги их для бедных, – улыбнулась Мадлен.

– Но если у вас, Мадлен, не хватит денег, вы возьмете у меня, да? – настаивала малышка.

– Да, голубчик, будь спокойна. Не станем больше говорить об этом, лучше вскопаем грядки и посадим новые цветочки.

Девочки принялись за работу. Маргарите приказали вырывать старые стебли и отвозить их на тачке в рощу. Камила и Мадлен лопатами вскапывали и рыхлили землю. Когда госпожа де Розбур, вернувшись из города, вошла в садик, со всех трех пот лил градом.

– Какие славные работницы! – сказала она. – Вот всю землю уж вскопали. Я уверена, цветочки теперь сами вырастут.

– Вы увидите, у нас скоро будут цветочки.

– Не сомневаюсь, Господь всегда вознаграждает того, кто прилежно трудится.

Окончив работу, Камила, Мадлен и Маргарита положили на место заступы, тачку и прочее и пошли играть на лужайку. Тут зазвонили к обеду, и дети пошли в дом.

На следующий день после завтрака девочки отправились в садик, чтобы закончить работу. Камила побежала вперед. Ей показалось, что садик утопает в цветах, а цветы – больше и красивее прежних.

Она остановилась в изумлении. Подошли Маргарита и Мадлен, и теперь все трое молча рассматривали свежие хорошенькие цветочки, не веря своим глазам.

Наконец, оправившись от удивления, дети бросились в сад, стали нюхать, гладить, целовать цветы – словом, потеряли головы от радости. Однако никак не могли объяснить, откуда взялись цветы.

– Это Господь послал, – предположила Камила.

– Нет, это Богородица сжалилась над нами, – возразила Мадлен.

– А по-моему, наши ангелы-хранители вырастили цветочки, – высказалась Маргарита. Вскоре к девочкам подошли обе матери.

– Вот кто вырастил цветочки, – сказала госпожа де Флервиль, указывая на госпожу де Розбур. – Она была тронута вашей добротой, съездила в город и накупила цветов.

Вообразите, как рады были дети, как они были благодарны! Маргарита просто светилась от счастья: ведь шалость, так огорчившая ее подруг, лежала у нее на сердце как камень.

На другой день дети преподнесли букет не только имениннице, но и госпоже де Розбур – в знак благодарности.

Глава VI

Через год. – Бешеная собака

Маргарита, Камила и Мадлен играли под елкой перед домом. Возле них в тени лежала большая черная собака по кличке Неро.

Маргарита пыталась надеть ей на шею венок из полевых цветов, сплетенный Камилой. Ей это почти удалось, но тут собака тряхнула головой, и венок свалился. Малышка побранила пса:

– Сиди смирно, Неро! Если ты еще раз сделаешь это, я ударю тебя.

И она подняла венок.

– Наклони головку, Неро.

Неро с неудовольствием повиновался. Маргарита с трудом надела венок до половины, собака тряхнула головой, венок опять упал.

– Ах, какой ты нехороший! Глупый, непослушный! – Маргарита с досадой слегка ударила пса по голове.

В это время какая-то рыжая собака подкралась и укусила Неро. Маргарита хотела прогнать ее, но рыжая собака бросилась на нее и укусила, а потом побежала дальше, опустив голову, высунув язык, хвост кнутом волочился у нее между ног. Маргарита слегка вскрикнула, из ранки показалась кровь, девочка заплакала.

Камила и Мадлен подбежали к малышке. Камила глянула на рыжую собаку, шепнула что-то на ухо Мадлен и кинулась к матери.

– Маменька, – шепнула она ей, – Маргариту укусила бешеная собака.

Госпожа де Флервиль вскочила с кресла.

– Откуда ты знаешь, что она бешеная?

– У нее хвост волочился, голова опущена, язык высунут. И потом она не лаяла, потихоньку подбежала и сразу укусила Неро и Маргариту. И Неро не лаял, не защищался, а упал прямо на землю, и лежит, не шевелясь.

– Правда твоя, Камила. Господи, какое несчастье! Надо скорее промыть руку в свежей воде, потом в соленой.

– Мадлен повела ее в кухню, маменька. Что нам делать?

Госпожа де Флервиль тотчас отправилась на кухню и осмотрела укус: рана была невелика, и кровь больше не шла.

– Скорее, Розалия, ведро свежей воды! – обратилась испуганная женщина к кухарке. – Давай руку, Маргарита. Окуни ее в ведро. Еще, еще! Поверти ею в воде. Камила, дай мне горсточку соли... хорошо... Сыпь соль в воду... Ну, Маргарита, окуни руку в соленую воду.

– Я боюсь, соль щипать будет, – заплакала Маргарита.

– Ничего, не бойся, не сильно будет щипать. Ничего, пусть немножко пощиплет, иначе ты серьезно заболеешь!

Госпожа де Флервиль заставила Маргариту десять минут держать руку в соленой воде. Увидев, что бедняжка боится и с трудом сдерживает слезы, она поцеловала ее и сказала:

– Не бойся, Маргариточка, все пройдет, не волнуйся. Каждый день утром и вечером держи руку в соленой воде по четверти часа, и кроме того, каждый день ешь две большие щепотки соли и головку чеснока. Через неделю все пройдет.

– Маменька, – предложила Камила, – давайте не станем говорить об этом госпоже де Розбур, иначе она будет беспокоиться.

– Твоя правда, милая, – поцеловала ее мать. – Мы ей скажем об этом через месяц.

Камила и Мадлен строго-настрого наказали Маргарите ничего не говорить маме, чтобы ее не беспокоить. Та была девочкой послушной и не болтушкой – и ни слова не сказала матери. Целую неделю она точно исполняла, что ей приказала госпожа де Флервиль, через три дня ручка зажила.

Через месяц, когда всякая опасность миновала, Маргарита сказала матери:

– Маменька, а вы знаете, что ваша дочурка чуть не умерла?

– Не умерла? Ты? – засмеялась госпожа де Розбур. – Да ты, кажется, не очень-то была больна.

– Вот, поглядите на мою руку. Видите маленькое пятнышко?

– Да, вижу. Комарик, видно, укусил.

– Нет, мама, бешеная собака!

Госпожа де Розбур вскрикнула, побледнела и спросила дрожащим голосом:

– Кто тебе сказал, что собака бешеная? Отчего ты тотчас же мне не сказала?

– Госпожа де Флервиль сказала мне, что нужно делать, иначе я умерла бы. Она мне не велела говорить вам раньше, чем через месяц, чтобы вы не волновались.

– Чем же тебя лечили? Прижигали ручку каленым железом?

– Нет, маменька. Госпожа де Флервиль, Камила и Мадлен сейчас же промыли мне руку в холодной воде, потом заставили окунуть в соленую воду и долгодолго держать. И каждый день так нужно было делать, утром и вечером, целую неделю, а еще нужно было каждый день есть по две щепотки соли и головке чеснока.

Госпожа де Розбур с волнением поцеловала Маргариту и побежала к госпоже де Флервиль, чтобы узнать подробности.

Госпожа де Флервиль подтвердила рассказ малышки и уверила госпожу де Розбур, что бояться нечего.

– Будьте покойны, милый друг, Маргарита вне опасности. Вода – чудесное средство против укусов бешеных животных, соленая вода еще лучше. Не волнуйтесь, малышка совсем выздоровела.

Госпожа де Розбур нежно поцеловала госпожу де Флервиль и горячо поблагодарила ее.

Глава VII

Камилу наказали

Недалеко от Флервиля жила девочка лет шести по имени Соня. Мать ее утонула при кораблекрушении два года назад, а отец женился второй раз и также скоро умер. Соня осталась с мачехой, они поселились в поместье, принадлежавшем отцу Сони, господину де Реану. Господин де Реан в свое время получил по завещанию большое наследство от своего друга Фичини, умершего в Америке, и в знак благодарности принял его фамилию.

Госпожа Фичини приезжала порой со своей падчерицей к госпоже де Флервиль. Мы сейчас увидим, что за девочка была Соня.

Однажды Камила, Мадлен и Маргарита пошли погулять и услышали стук колес. Скоро перед крыльцом замка остановилась великолепная коляска, из которой вышли госпожа Фичини и Соня.

– Здравствуй, Соня, – сказали Камила и Мадлен, – очень рады тебя видеть. Здравствуйте, сударыня, – прибавили они, приседая.

– Здравствуйте, милые. Я пойду к вашей маме в гостиную, а вы идите себе гулять, Соня отправится с вами. И води себя умно, милочка, – обернулась она к Соне, – не то дома поздоровашься с плеткой!

Соня, не смея ответить, опустила глаза. Госпожа Фичини подошла к ней и сердито спросила:

– Что же, у тебя языка нет? Отчего ты молчишь?

– Да, маменька, – поспешила ответить Соня.

Госпожа Фичини грубо оттолкнула ее, повернулась и пошла в гостиную.

Камила и Мадлен с изумлением смотрели на эту сцену. Маргарита спряталась за кадку с апельсинным деревом. Когда дверь за госпожой Фичини затворилась, Соня медленно подняла голову, подошла к Камиле и Мадлен и потихоньку сказала:

– Пойдемте гулять, а в гостиную не надо, там мачеха.

– За что она сердилась на тебя? Что ты сделала? – спросила Камила.

– Решительно ничего, – потупилась Соня. – Она всегда так...

– Пойдемте в садик, там отлично! – поспешила изменить тему разговора Мадлен. – Маргарита, пойдем с нами!

Соня в изумлении рассматривала Маргариту:

– Чья это крошка? Я еще не видела ее.

– Это наша подруга, очень добрая девочка, – пояснила Камила. – Ты еще ее не видела, потому что она была больна, когда мы у тебя были, тогда она не могла поехать с нами. Надеюсь, Соня, ты полюбишь Маргариту.

Мадлен рассказала, как они познакомились с госпожой де Розбур. Соня поцеловала Маргариту, и все четверо побежали в садик.

– Какие цветы! – воскликнула Соня. – О, да они лучше моих! Какая славная гвоздика! А розы какие великолепные! Какой запах!

– Все это нам подарила госпожа де Розбур, – похвасталась Мадлен.

– Тише, Соня, вы сомнете землянику, отодвиньтесь немного! – воскликнула Маргарита.

– Ах, оставь меня, – отмахнулась Соня. – Мне хочется понюхать розу.

– Вы сомнете землянику Камилы, так не годится!

– Ах, отстань от меня, глупая девочка!

Но Маргарите хотелось уберечь землянику, и она потихоньку ручонкой стала отодвигать Сонину ногу. Соня раззадорилась и так сильно толкнула Маргариту ногой, что та отлетела на три шага.

Увидев, что Маргарита упала на землю, Камила бросилась на Соню и сильно ударила ее по лицу. Та начала кричать, Маргарита плакать, Мадлен старалась их успокоить. Камиле стало стыдно, она стояла, опустив руки и залившись румянцем.

В это время подошли госпожа де Флервиль, госпожа де Розбур и госпожа Фичини.

– Вот уж вторая! Вторая за сегодня! – плакала Соня.

– Что вторая, дура? – грубо спросила госпожа Фичини.

– Вторая пощечина!..

– Вторая? Вот тебе вторая, чтобы не лгала! – и с этими словами мачеха сильно ударила Соню по лицу.

– Она не лгала, сударыня, – вступилась за подругу Камила. – Это я дала ей одну.

Госпожа Фичини с удивлением посмотрела на Камилу.

– Что ты сказала, Камила? – всплеснула руками госпожа де Флервиль. – Ты решилась ударить гостью?

– Да, маменька... – опустила глаза Камила.

– Как же ты дошла до такой грубости?

– Потому... потому – совсем смутилась Камила под умоляющим взглядом Сони. – Потому что Соня растоптала мою землянику.

– Вовсе не за то, а... – Маргарита было бросилась на защиту своей любимицы, но та закрыла ей рот рукой.

– Да-да. За землянику. Пожалуйста, молчи.

– Я не хочу, чтобы тебя считали злой, ты заступилась за меня, и... – прошептала малышка.

– Умоляю тебя, Маргариточка! Мы все расскажем, когда уедет госпожа Фичини, – пообещала Камила.

Маргарита поцеловала руку Камилы и замолчала.

Госпожа де Флервиль поняла, что случилось нечто необычное, заставившее выйти из себя всегда тихую Камилу, но не хотела расспрашивать дочерей при всех, жалея Соню. Чтобы удовлетворить госпожу Фичини и наказать Камилу за чрезмерную вспыльчивость, она сказала недовольным голосом:

– Ступай в свою комнату и сиди там до обеда, а за обедом не получишь ни пирожных, ни фруктов.

Камила залилась слезами. Прежде чем уйти, она подошла к плакавшей Соне и сказала ей:

– Прости меня, Соня, этого больше никогда не случится, уверяю тебя.

Соня, в сущности, была вовсе не злая девочка, она поцеловала Камилу и шепнула ей:

– Спасибо, милая Камила, что не сказала, как я толкнула Маргариту. Мачеха высекла бы меня до крови.

Камила пожала ей руку и в слезах пошла в свою комнату. Мадлен и Маргарита также заплакали. Маргарите очень хотелось рассказать все, чтобы оправдать Камилу, но она вспомнила, что сама Камила просила ее молчать.

«Злая Соня, – думала Маргарита, – из-за нее досталось моей Камилочке. Терпеть ее не могу!»

Госпожа Фичини села с Соней в коляску, и через несколько мгновений оттуда послышались крики. Все подумали, что мачеха бьет девочку, и не ошиблись: едва сев в коляску, госпожа Фичини принялась бранить Соню и таскать ее за волосы.

Как только они уехали, Мадлен и Маргарита рассказали госпоже де Флервиль, как и за что Камила рассердилась на Соню.

– Это несколько уменьшает ее вину, но все-таки Камила виновата, раз позволила себе забыться до такой степени. Я позволяю ей выйти из комнаты, но сладкого она все равно не получит.

Мадлен и Маргарита бросились искать Камилу и сказали ей, как мама уменьшила наказание. Камила вздохнула и не повеселела. Надо сознаться, что у милой, доброй Камилы был один недостаток: она любила полакомиться, она любила сладкое и особенно фрукты. Она знала, что сегодня за обедом будут чудесные персики и виноград, присланные дядей из Парижа. А она даже не попробует всех этих прелестей! Поэтому-то слезы все еще стояли у нее в глазах.

– Бедняжка, – сказала ей Мадлен, – так тебе грустно от того, что тебе не дадут фруктов?

– Еще бы! – воскликнула Камила. – Все будут есть и виноград, и персики, а мне придется только смотреть.

– Я тоже не стану их есть, тогда тебе не так скучно будет.

– Нет, Мадлен, я не хочу, чтобы ты из-за меня не ела, кушай, прошу тебя.

– Нет, нет, Камила, я решилась. Я не хочу есть того, чего тебе не дадут.

Камила бросилась обнимать Мадлен, но сестра ее просила никому не говорить об этом:

– Если маменька узнает, она заставит меня кушать. Или посчитает, что я хочу принудить ее простить тебя.

Камила обещала не говорить во время обеда, но она решила потом рассказать об этом поступке сестры. Мадлен трудно было пойти на это, она, как и Камила, любила полакомиться.

Настал час обеда, дети, все трое, были грустны. На десерт любимое блюдо Мадлен – рисовые оладьи.

– Мадлен, дай мне твою тарелку, я дам тебе оладий, – сказала госпожа де Флервиль.

– Спасибо, маменька, я уже сыта.

– Как? Не будешь есть оладьи? Ты же их так любишь!

– Мне не хочется.

– Да ты же только что просила еще картофелю, и я отказала, потому что знала, как ты любишь оладьи.

– Тогда мне еще хотелось есть, а теперь расхотелось, – смутилась Мадлен.

Госпожа де Флервиль с удивлением посмотрела на покрасневшую младшую дочь, потом взглянула на Камилу, которая боялась, как бы Мадлен не получила от матери выговор за капризы. Женщина догадывалась, что от нее что-то скрывают, но не стала настаивать.

Подали фрукты – целую корзину персиков и корзину винограда. У Камилы на глазах показались слезы, она с грустью думала, что из-за нее и сестра не попробует этих прелестей. Мадлен тоже завистливо вздохнула, посмотрев на корзины.

– Чего тебе дать сначала, винограда или персиков, Мадлен? – спросила госпожа де Флервиль.

– Благодарю, маменька, я не стану кушать.

– Съешь хоть веточку винограда, – сказала госпожа де Флервиль, все более удивляясь. – Погляди, какой чудесный!

– Нет, маменька, я устала, мне хочется спать, – Мадлен боялась даже взглянуть на фрукты, чтобы не соблазниться, их запах так и дразнил девочку.

– Ты больна? – с беспокойством спросила мать.

– Нет, я совершенно здорова, только спать хочется.

Мадлен встала и простилась с матерью и госпожой де Розбур. Она подошла поцеловать Камилу, и та дрожащим голосом спросила, можно ли ей проводить сестру. Госпожа де Флервиль позволила. Обе сестры вышли из столовой.

Через несколько минут остальные гости встали из-за стола и пошли в гостиную. Камила стояла посреди комнаты, провожая глазами Мадлен, и повторяла:

– Милая Мадлен! Как я люблю ее! Какая она добрая!

– Скажи мне, Камила, – спросила госпожа де Флервиль, – что такое случилось с Мадлен? Она отказалась от любимого своего лакомства, от фруктов и пошла спать на час раньше, чем обычно.

– Если бы вы знали, маменька, какая Мадлен добрая, как она меня любит! Она все это сделала, чтобы утешить меня, чтобы быть наказанной вместе со мною, а спать она пошла, чтобы не соблазниться виноградом, ведь он так пах!

– Пойдем к ней, Камила, пойдем поцелуем ее.

Госпожа де Флервиль перед уходом шепнула что-то на ухо госпоже де Розбур, которая тотчас вышла в столовую...

Камила с матерью вошли к Мадлен, та ложилась спать. Госпожа де Флервиль подошла к постели, нежно пожала руки дочери и сказала:

– Милая, твоя самоотверженность искупила вину твоей сестры. Я прощаю ее ради тебя, вам обеим принесут сейчас оладий, винограда и персиков.

В эту минуту няня Лиза внесла тарелку рисовых оладий и полную тарелку винограда и персиков. Поцеловав на ночь дочерей, госпожа де Флервиль пошла к госпоже де Розбур. Камила рассказала Лизе, как Мадлен была добра, потом сестры помолились, Камила разделась, и обе девочки заснули. Им во сне привиделась ссора, выговор, поцелуи, прощение и виноград.

Глава VIII

Ежики

Камила и Мадлен сидели в саду на складных стульчиках и читали, когда к ним подбежала Маргарита.

– Камила, Мадлен! – кричала она. – Идите скорее, поймали ежеиков! Всего четыре штуки: мать и трое детенышей.

Камила и Мадлен тут же вскочили и побежали смотреть на сидевших в корзинке ежеиков.

– У них нет ни головки, ни лапок... – разочарованно протянула Камила.

– Они свернулись в клубочек и спрятали головки и лапки, – авторитетно заявила Мадлен.

– Давай вынем их из корзинки и хорошенько рассмотрим! – предложила старшая сестра.

– Они же колючие! Как мы их достанем?

– А вот как!

Камила взяла корзинку, опрокинула ее, и ежики очутились на земле. Через несколько секунд один из детенышей развернулся, показалась головка, потом лапки. Остальные ежата сделали то же самое – к великой радости девочек, которые стояли, не шевелясь, чтобы не испугать ежеиков.

Наконец, стала потихоньку разворачиваться и ежиха. Сначала она чуть-чуть выставила голову и, увидев девочек, несколько мгновений не знала, что делать. Потом, видя, что они не трогаются с места, ежиха развернулась совсем, позвала детенышей и припустила рысцой.

– Ежики убегают, – закричала Маргарита, – смотрите, они направились к лесу!

На ее крик прибежал сторож.

– Эге, – сказал он, – мои клубочки укатились! Не следовало их выпускать, барышни, мне трудно будет их поймать.

И сторож последовал за ежами, которые бежали не медленнее его и уже добежали до опушки. Ежиха подталкивала и торопила детенышей. Им всего шаг оставался до норы у корней дуба, где они были бы вне опасности. Сторож был еще в шести-семи шагах от них, и ежики успели бы скрыться, если бы не раздался выстрел. Ежиха упала замертво, детеныши остановились рядом с ней.

Сторож, стрелявший по самке, бросился к ежатам и забрал их в свой ягдташ⁴.

Камила, Мадлен и Маргарита подбежали к нему.

– Какой вы злой, Никез! – закричала Камила. – Зачем вы убили бедного зверька?

– Бедняжки дети теперь помрут с голода! – вторила ей Мадлен.

– Нет, барышня, с голоду не помрут, я их прикончу, – сказал сторож.

– Бедные детки! – всплеснула руками Маргарита. – Не убивайте их, Никез, пожалуйста!

– Нет, барышня, этих дрянных ежеиков надо убивать, от них покоя нет ни кроличьим детенышам, ни куропаткиным цыплятам. Да они и маленькие еще, все равно без матки не выживут! – отрезал Никез.

– Маргарита, Мадлен, пойдемте к маменьке, – скомандовала Камила. – Попросим, чтобы зверьков не убивали.

И все трое вбежали в гостиную.

⁴ Я г д т á ш – охотничья сумка для дичи.

– Маменька! Бедные ежата! Никез такой злой, он убьет их! Скорее, надо спасти их! Он уже убил ежиху.

Госпожа де Флервиль с удивлением посмотрела на них:

– Ничего не понимаю! Что случилось? Кого спасать? Отчего Никез злой?

Девочки заговорили хором:

– Надо скорее!.. Никез!.. Он нас не слушает!.. Бедные детки!

Госпожа де Розбур попыталась навести порядок:

– Милые мои, вы говорите все вместе, и очень трудно понять, о чем вы просите. Мадлен, говори ты. Кажется, ты поспокойнее других и меньше запыхалась.

– Никез застрелил ежиху и собирается убить ежат! – выпалила Мадлен. – Он говорит, что ежики дрянные, что они убивают маленьких детенышей.

– Это неправда, маменька, – вступила Камила, – они едят только дрянных зверьков.

– С чего бы Никезу говорить неправду? – удивилась госпожа де Флервиль.

– Потому что он хочет убить детенышей! – выкрикнула Камила.

– Так ты считаешь его злым? – спросила ее мать. – Ты думаешь, что он просто из удовольствия хочет убить зверьков и потому говорит про них неправду?

– Наверное, маменька, я немножко увлеклась, – призналась Камила. – Но все-таки нельзя ли спасти ежей? Они такие миленькие!

– Миленькие ежики! Да это чудо! – вмешалась госпожа де Розбур. – Пойдемте, друзья мои, посмотрим, что там такое.

Дамы и девочки вышли и пошли к лесу, где остался сторож с ежами. Но там уже не было ни сторожа, ни ежат.

– Боже мой! Бедные ежики! Я уверена, что Никез убил их, – чуть не заплакала Камила.

– Увидим, пойдемте к нему! – утешила ее мать.

Девочки побежали вперед и как ураган влетели к Никезу в дом.

– Где ежики? Куда вы их дели, Никез?

Сторож обедал с женой. Он медленно приподнялся и ответил с достоинством:

– Я их, барышни, в воду побросал, они в пруду на огороде.

Девочки заговорили наперебой:

– Ах, какой вы злой! Какой нехороший! Мама, маменька! Никез побросал ежей в воду.

Дамы подошли к дверям.

– Напрасно вы не подождали Никез, – упрекнула сторожа госпожа де Флервиль. – Детям так хотелось оставить ежей себе.

– Все равно, сударыня, они и двух суток не прожили бы, слишком малы, – отозвался Никез. – А потом, ежи – вредные зверьки. Их надо истреблять.

Дети замолчали, насупившись. Госпожа де Флервиль обернулась к ним:

– Что делать, дети, надо про ежей забыть. Никез думал, что лучше их убить. И в самом деле, что бы вы стали с ними делать? Как их кормить? Как за ними ухаживать?

Девочки понимали, что госпожа де Флервиль говорит правду, но все-таки им было жаль ежей. Они ничего не ответили и грустные пошли домой, собираясь приняться за уроки, но тут на ослике приехала Соня со своей няней. Госпожа Фичини обещала прибыть к обеду и была рада возможности пораньше избавиться от Сони.

– Здравствуйте, мои милые! – поприветствовала своих подруг Соня. – Здравствуй, Маргарита! А почему ты уходишь?

– Из-за вас тогда наказали мою милую Камилочку, я не люблю вас, Соня, – хмуро ответила малышка.

– Послушай, Маргарита, меня стоило наказывать за то, что я рассердилась, нехорошо выходить из себя... – заметила Камила.

– Ты из-за меня тогда рассердилась, Камила, – нежно поцеловала ее Маргарита. – Ты такая добрая! Никогда не злишься!

Соня начинала было сердиться, но нежность Маргариты к Камиле заставила ее остыть. Девочка поняла, что была неправа, подошла к Камиле и сказала ей со слезами на глазах:

– Камила, милая Камила! Крошка сказала правду, это я во всем виновата. Я грубо ответила Маргарите, когда она сказала, чтобы я не мяла землянику. Я толкнула малышку так, что она упала, и ты была вправе рассердиться на меня. Хорошо, что ты меня ударила, я это заслужила. И ты, Маргариточка, прости меня, будь так же добра, как Камила. Я знаю, что я злая, но я такая несчастная! – прибавила она, заливаясь слезами.

Камила, Мадлен и Маргарита бросились обнимать и целовать Соню.

– Бедная Сонечка! – сказали все трое. – Не плачь, мы любим тебя, приезжай к нам почаще, мы станем утешать тебя.

Соня отерла глазки и перестала плакать.

– Спасибо, тысячу раз спасибо, милые мои друзья, я буду стараться походить на вас, буду такой же доброй. Ах, если бы у меня была добрая и кроткая маменька, я не была бы такой! Я боюсь мачеху, она не говорит, как нужно себя вести, только бьет меня.

– Бедная Соня! – сказала Маргарита. – Я была злая, когда не любила тебя.

– Нет, ты была права, Маргарита, потому что в тот день меня не стоило любить.

Камила и Мадлен просили Соню подождать, пока они закончат заниматься арифметикой и географией.

– Через полчаса мы закончим урок и придем к вам.

– Хочешь пойти со мной, Соня? – предложила Маргарита. – Мне нечего делать, и одной скучно.

– Давай побегаем вместе, – обрадовалась Соня.

– Я тебе расскажу, что сегодня случилось с тремя маленькими ежиками и с их мамой, – пообещала Маргарита.

И по дороге рассказала, что случилось утром.

– А куда бросили ежей? – поинтересовалась Соня.

– В прудик на огороде.

– Пойдем посмотрим!

– Только не будем близко подходить к воде, мне мама запретила.

– Да мы издали посмотрим.

Они побежали к пруду. Издали ничего не было видно, девочкам пришлось подойти к самой воде.

– Вон ежик! Вот он! Я вижу! – закричала Соня. – Он еще не умер, барахтается. Поди сюда, видишь?

– Вижу, вижу! Бедняжка, как он бьется! – расстроилась Маргарита.

– Если мы палкой погрузим его в воду, он скорее умрет, – заметила Соня. – И страдать будет меньше.

– И правда! Бедный зверек! Вот он около нас!

– Вот длинная палка, ударь его по голове, он утонет, – предложила Соня.

– Нет, – покачала головой малышка. – Я не хочу добивать его, а потом, мама не любит, когда я подхожу к пруду.

– Отчего же?

– Можно поскользнуться и упасть в воду.

– Пустяки! – фыркнула Соня. – Опасности никакой нет!

– Все равно, – упрячилась младшая девочка. – Маму надо слушаться.

– Ну, а мне не запрещали, я попробую ударить ежика.

И Соня осторожно подошла к пруду, вытянула руку и ударила ежика палкой. Зверек нырнул, потом опять выплыл и продолжил барахтаться в воде. Соня побежала к тому месту, где он вынырнул, и снова ударила его. Но чтобы достать ежика, надо было сильно вытянуть руку, и как только Соня махнула палкой, она потеряла равновесие и упала в воду. Она вскрикнула и стала погружаться в воду.

Маргарита бросилась на помощь Соне. Заметив, что та ухватилась рукой за куст, малышка схватила ее за руку и стала тащить к себе. Ей удалось немного вытащить Соню, и она подала ей другую ручонку. Несколько секунд Маргарита удерживала старшую девочку, но тяжесть Сони была ей не по силам. Дело кончилось тем, что бедняжка Маргарита сама свалилась в прудик.

Смелая девчушка не струсилась, она слышала когда-то, что для того чтобы вынырнуть, нужно оттолкнуться ногами от дна. Маргарита ударила ножками о дно, вынырнула, успела схватиться за кол, вбитый в берег, и, держась за него, выкарабкалась на берег.

Не увидев Соню, она бросилась бежать к дому с криком: «Помогите, помогите!» Вода ручьем лилась с нее. Ее крики слышали косари и бабы, сгребавшие сено, и побежали на помощь.

- Спасите Соню! Она упала в прудик, – молила Маргарита.
- Барышня упала в воду, – голосили бабы, подбегая к Маргарите, – помогите!
- Соня тонет, тонет, – не успокаивалась малышка, – помогите ей!

Одна из баб подбежала к пруду, заметила всплывшее кверху Сонино платье, зацепила его крючком, которым сгребала сено, подтащила девочку к берегу, схватила руками и наконец вытащила.

Пока добрая женщина спасала Соню, Маргарита, забыв о недавней опасности и думая только о Соне, заливалась горькими слезами и умоляла всех, чтобы ее оставили и бежали к пруду.

Камила и Мадлен прибежали на крик, они тоже стали плакать и кричать, еще больше усилив суматоху. Госпожа де Розбур и госпожа де Флервиль, услышав необычный шум, бросились к огороду и обнаружили совершенно вымокшую Маргариту.

– Боже мой! – воскликнула госпожа де Розбур. – Что такое случилось? Почему все кричат?

- Маменька, мама! Соня утонула, она упала в прудик!

Услышав это, госпожа де Флервиль бросилась к пруду, за ней сторож и слуги. Она встретила бабу с Соней на руках, Соня заливалась слезами.

Госпожа де Розбур, видя волнение и отчаяние Маргариты, не зная, о чем собственно она плачет, и чувствуя, что ее надо успокоить, сказала с уверенностью:

- Соню спасли, дружок, успокойся, уверяю тебя.
- Кто спас? Я никого не видела.
- Туда все побежали.

Маргарита успокоилась, она не сопротивлялась, когда ее понесли переодевать.

Когда малышку вытерли, высушили и переодели, мама спросила, что случилось. Маргарита рассказала ей все, умолчав лишь о том, как ей было противно, когда Соня хотела добить ежика и подошла к пруду, хоть она ее и отговаривала.

– Не знаю, дитя мое, – сказала госпожа де Розбур, целуя ее, – права ли я была, запрещая тебе подходить к пруду... Ты поступила как умная, смелая и добрая девочка... Но пойдем, узнаем, что с Соней.

Соню госпожа де Флервиль и Лиза отнесли в детскую, девочки пошли за нею. Ее также раздели, хорошенько вытерли и надели на нее сорочку Камилы. В это время дверь с шумом открылась и вошла госпожа Фичини.

Соня вспыхнула, как вишня. Шумное появление ее мачехи поразило всех присутствующих.

– Что это ты изволила надеть? Перепачкалась, испортила новое платье, свалилась в пруд! Я захватила с собой лекарство против твоей глупости!

И не успели другие опомниться, как она вынула из-под шали огромный пук розог, набросилась на Соню и жестоко ее высекла. Злая мачеха не обращала внимания на крики девочки, на слезы и просьбы Камилы и Мадлен и на слова госпожи де Флервиль и Лизы, возмущенных такой жестокостью. Она секла Соню до тех пор, пока розги не сломались. Тогда она бросила пучок и вышла из комнаты. Госпожа де Флервиль пошла за ней следом, чтобы выразить свое отношение к такой несправедливой и варварской расправе.

– Поверьте, моя милая, – пожала плечами госпожа де Фичини, – иначе с детьми не совладать. Плетка – самый лучший учитель. Я, по крайней мере, других не знаю.

Если бы госпожа де Флервиль поддалась своему негодованию, она непременно выгнала бы вон эту злую женщину, но она очень жалела Соню и не хотела оставить бедную девочку на произвол мачехи. Поэтому она поборола себя и ограничилась только тем, что стала доказывать госпоже Фичини: жестокость ни к чему хорошему не приведет. Но все ее доказательства разбивались о черствое сердце собеседницы. Госпоже де Флервиль пришлось терпеть общество госпожи де Фичини, как это ни было ей неприятно.

Войдя в детскую, госпожа де Розбур и Маргарита застали странную картину: Мадлен и Камила плакали, а Соня в одной сорочке кричала и скакала от боли; на полу валялись окровавленные розги.

– Камила, Мадлен, почему вы плачете? – спросила Маргарита, и у нее самой показались на глазах слезы. – Что с бедняжкой Соней? Отчего на ней красные полосы?

– Ее высекла злая мачеха. Бедная Соня, бедная!

Девочки окружили Соню, стали ее ласкать и утешать. Соня успокоилась. В это время Лиза рассказала про бессердечную госпожу Фичини, которая из всего происходящего поняла лишь то, что ее падчерица испортила новое платье, и за это так жестоко высекла ее. Госпожа де Розбур пришла в такое же негодование, как госпожа де Флервиль и Лиза, и те же причины заставили ее терпеть общество госпожи Фичини.

За обедом Камиле, Мадлен и Маргарите было очень трудно вести себя вежливо по отношению к госпоже Фичини. Бедная Соня не смела ни говорить, ни поднять глаз, тотчас после обеда дети ушли в сад. Уезжая, госпожа Фичини обещала почаще присылать Соню, как ее просили дамы.

– Если вам так хочется почаще видеть эту негодную девчонку, – сказала она, с презрением взглянув на Соню, – то я рада избавляться от нее как можно чаще. Она такая дрянная, вечно отравляет мне всякое удовольствие в гостях. До свидания. Ну, глупая, полезай в коляску, живо! – прибавила она, дав Соне подзатыльник.

Когда гости уехали, Камила и Мадлен долго не могли прийти в себя. Они пошли в гостиную, попросили маменьку и госпожу де Розбур почаще брать к себе Соню. Те, естественно, согласились.

Маргарита давно уже легла спать, наконец отправились в постель и Камила с Мадлен, рассуждая о несчастной Соне и благодаря Бога за то, что у них есть такая славная мама.

Глава IX

Ворованные груши

Через несколько дней после приключения с ежиками у госпожи де Флервиль обедал кое-кто из соседей, между прочими были приглашены госпожа Фичини и Соня.

Камила и Мадлен никогда особо не наряжались, они одевались чисто и просто. У Камилы были чудесные русые волосы, а у Мадлен светло-каштановые, шелковистые, их всегда причесывали в две косы, кольцами. Когда к обеду приезжали гости, девочкам прикалывали еще по черному бархатному бантику. У них были беленькие батистовые платья, панталоны с мелкими складочками и простые кожаные полусапожки. Маргариту одевали точно так же, только волосы у нее падали черными кудряшками прямо на беленькую толстенькую шейку. Когда было тепло, шейки и ручки у девочек были голые, а в тот день, о котором идет речь, была страшная жара.

За несколько секунд до обеда явилась госпожа Фичини, разряженная в пух и прах, что было для деревни смешно. На ней было светло-сиреневое платье в три широкие оборки, обшитое рюшем⁵, кружевами, бархатом. Лиф также был отделан кружевами, лентами и тому подобным, а юбка была так широка, что Соне пришлось сидеть в самом углу коляски, а остальное место занимали монументальная фигура госпожи Фичини и ее платье. Из-за мачехиных оборок виднелась только голова Сони.

Все общество сидело на крыльце. Толстая, красная от жары госпожа Фичини торжественно высадилась из коляски. Ее маленькие глазки гордо светились: она думала, что все ахнут, увидев ее пышное платье, толстые голые руки, шляпку с разноцветными перьями, рыжие волосы и золотую тесемку с брильянтами на прыщеватом лбу. Она не без тайного удовольствия отметила на других дамах простые платья. Госпожи де Флервиль и де Розбур были в черных платьях из тафты⁶, волосы их были очень просто и мило зачесаны, на голове никаких украшений. Гости тоже были в простых одноцветных кисейных⁷ платьях, другие в легких шелковых, без всяких оборок и браслетов, с очень простыми прическами. Госпожа Фичини не ошиблась, думая, что ее туалет произведет эффект, но он был несколько иного рода – дамы переглянулись с недоумением.

⁵ Р ю ш – обшивка из сборчатой легкой ткани.

⁶ Т а ф т а́ – тонкая шелковая ткань.

⁷ К и с е́ й н ы й – сделанный из кисеи, тонкой хлопчатобумажной ткани.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.